

Первая встреча с Любой мне вспоминается во Дворце пионеров и школьников, когда мне было 16 лет и я давно уже писал стихи, и по настоянию нашего классного руководителя, учителя немецкого языка Никитиной Галины Георгиевны, пошёл в литературную студию Дворца пионеров и школьников.

Эту студию вели по очереди литераторы Марк Сергеев и Евгений Раппопорт, но в силу своей занятости они уступили руководство Любове Сухаревской, которая на тот момент писала очень хорошие стихи и была сотрудником многотиражной газеты Иркутского авиазавода.

В этой студии (литобъединении пионеров и школьников) моими товарищами были Надя Колесникова (писала стихи),

Татьяна Тищенко (стихи и проза), Анатолий Баснин (историческая проза). Мы все потянулись к Любе Сухаревской... и она к каждому из нас была внимательной, правила наши литературные опыты, нянчилась с нами.

Что касается меня, так случилось, что мы с Любой жили в Иркутске-2, и она пригласила меня в литобъединение «Парус» при авиазаводской газете «За коммунизм», где и завязалась наша дружба. Очень дружны были там Люба, Валентина Сидоренко и Нина Кашина. Вот я и попал в их компанию, и закружила меня эта литературная дружба не на шутку... Нам не хватало времени наговориться в «Парусе», и после заседаний в нём мы шли к кому-нибудь домой и за чашкой чая продолжали разговоры о поэзии и прозе, о жизни и об искусстве.

Мы читали друг другу стихи и не могли «напиться» ими... Мне неслыханно повезло, что меня, зелёного юнца, эти замечательные девушки взяли под своё покровительство. Формировался мой литературный вкус, музыкальные пристрастия. Это был мой мир, где я напитывался знаний о мировой культуре. От Любы я узнал и полюбил поэта Арсения Тарковского, Владимира Соколова, Владислава Ходасевича, писателей Валентина Распутина, Василия Белова, европейских писателей и поэтов: Томаса Манна и Германа Гессе, Уильяма Голдинга и Райнера Марии Рильке, Федерико Гарсиа Лорку. От Валентины Сидоренко я узнал и полюбил поэтов Николая Рубцова, Сергея Есенина, Ольгу Фокину, Ксению Некрасову, Ольгу Бертгольц и Владимира Корнилова. От Нины Кашиной узнал и полюбил поэтов Давида Самойлова, Дельвига, Иннокентия Анненского, Осипа Мандельштама, Анну Ахматову, Марину Цветаеву и Юнну Мориц.

Люба, ведя литобъединение «Парус» умелой рукой правила мои стихи и публиковала их в авиазаводской многотиражке. Это были мои первые публикации, если не считать тех, которые вышли на два года раньше в журнале «Пионер». Для меня увидеть свои стихи напечатанными было большим потрясением...

В то время в «Парус» навевались молодые поэты: Геннадий Гайда, Василий Козлов, Владимир Скиф, Татьяна Суровцева. Общение с ними стало удивительной жизненной школой, которую мне подарила судьба. Но с Любой, Валентиной и Ниной была особая дружба... Дружба наша крепла, мы были опьянены этой дружбой и открывали рот, только чтобы читать друг другу стихи или петь романсы на стихи Тургенева «Утро туманное...», на стихи Дельвига «Когда, душа, просилась ты», на стихи Марины Цветаевой «Милые спутники, делившие с нами ночлег...», которые положила на музыку Нина Кашина, и пела изумительно своим дивным грудным голосом, а мы ей вторили... Длинными весенними вечерами и ночами мы бродили по старинному Второму Иркутску, провожая друг друга до дома, но дальше всех жила Валентина, и мы провожали её в Ермаковку, «на болото», в её уютный отчий дом, где были бесконечные чаепития под музыку Моцарта, Баха, Вивальди, Чайковского, Грига, которая звучала с пластинок со старенького проигрывателя. Мы были совершенно счастливы, были чисты, влюблены друг в друга и счастливы от этого...

На снимке: крайний слева — М. Шепель, крайняя справа — Л. Сухаревская

были на этом вечере. Они с удивлением вслушивались в наши голоса, — мы по очереди читали Ахматову и Цветаеву, Блока и Пастернака, его письма к Марине Цветаевой и её к нему, Мандельштама и Давида Самойлова «Я не знал в этот вечер в деревне, что не стало Анны Андреевны...»

Зажжены были свечи, звучала музыка, на столе было вино, чай и сладости. Дух поэзии витал над нами. И я, помнится, настолько осмелел, что в перерыве между чтением стихов поэтов пытался втолковать поэту Сергею Айзиковичу Иоффе, что стихи Любви Сухаревской: «Вся жизнь — игра» — это просто очередное романсовое чудо высокой поэзии.

*Вся жизнь — игра, но Боже упаси
Заплакать там, где должно рассмеяться,
Легко найтись, потом легко расстаться.
А если пламя... пламя погаси.*

*Так и живёшь, спокоен до поры,
Пока не грянет поздний час прозрения,*

Однажды был удивительный вечер, посвящённый Ахматовой и Цветаевой и поэтам Серебряного века. Вечер проходил в полуподвале клуба «Альбатрос», который уступили нам спортсмены-подводники. Я нарисовал два больших портрета углём на картоне — Марины Цветаевой и Анны Ахматовой. Их поэзией мы тогда «бредили», были очень увлечены. Иркутские литераторы Елена Викторовна Жилкина, Евгений Раппопорт, Сергей Иоффе

*И ты отвергнешь с болью и презрением
Всё, что входило в правила игры.*

*В твоём кругу боюсь я одного,
Что и меня игра твоя захватит,
Что у меня любви к тебе не хватит...
Дожить до часа светлого... того...*

Он с удивлением смотрел на меня, кивал и соглашался. Эти стихи были напечатаны только раз, в газете, о них уже никто не помнит... только я. Люба не включала их в свои книги. Есть ещё несколько её стихотворений, которые сохранились только у меня в альбомах, записанных её рукой, которые не публиковались и сохранились только в моей памяти. Это стихи посвящены были Анатолию Преловскому — другу, поэту:

*Да минет месть уют убогий твой!
Нам на земле едва ль не хватит места,
И я тебе не муза, не невеста,
И не зажгу звезды над головой.*

*Прохладный век смутить своей тоской —
Есть в этом дерзость прежнего урока,
И горечь, и заманчивость порока.
Не дай-то Бог поэзии такой!*

*Но новый день несёт благую весть:
Ещё нас терпят, кормят и читают...
И пробуждаться только начинают —
И в этом тоже, тоже что-то есть...*

*Не потому ль так часто на виске
Слепой свинец чертит свой след кровавы
Сольёмся песней и сочтёмся славой!
Один удел — мы братья по тоске.*

Не опубликовано стихотворение «Врубель», автограф которого есть только у меня. Стихотворение

*Взглядом, сердцем, кожей, плотью
Не могу забыть
Мать, которая отходит,
Мне позволив жить...*

— также не вошло в её книги стихов. Стихотворение «Портрет», которое посвящено мне, не было никогда опубликовано. Оно живёт только в моей памяти...

Теперь я понимаю, что нас объединяла ПОЭЗИЯ. Мы встречались и бесконечно читали стихи друг другу. Ярko запомнилась поездка на Байкал, в Листвянку, где мы все вчетвером были хороши, красивы, чисты и восхищены друг другом... и там у меня родились стихи, посвящённые Любви Сухаревской:

*Когда трава зелена,
Когда над озером тень,
Но песня и ты сама,
И мир весь — как ясный день!*

*Когда трава пожелтеет,
Как ливни твои волос,
Срывается старый напев,
Повиснув в стенании гроз.*

Да, это было лето 1972 года, а осенью я ушёл в армию, куда уже Люба писала мне письма, которые мне были необходимы как воздух, как чистая вода, как кусок хлеба. Эти письма сохранились. Вот одно из них:

*Мишечкин, привет!
Не вели меня казнить,
А вели мне говорить...
Я с повинной головою
Появляюсь пред тобою,
Выжидательно молчу,
Исповедаться хочу.
Я так долго не писала
Потому, что очень мало
Стало времени на дню.
Я с утра сажусь к огню,
Во читалке или дома
Рыщу пишу для диплома.
А вечерними часами*

Собираюсь на экзамен.
Книги, книги, книги...
Так мои проходят дни.
Иногда в воскресный вечер...
<...> Город наш совсем на грани:
Обручён с весной ранней,
Лужи мутные кругом
То со снегом, то со льдом,
Всюду вешняя водица...
Надо плавать научиться.
А в кругах литературных
Нет давно ни споров бурных,
Ни блистательнейших встреч,
Все теряют слог и речь.
Не бегут в Союз¹ гурьбой,
Люди заняты собой...
Правда, «Парус»² понемногу
Продолжает путь-дорогу,
Потому что у руля
Дружно свищут тру-ля-ля.
Что ещё? Всё в мире странно.
Проводили Мари Ванну...
<...> С Сидоренко³ как-то мы
В час рожденья первой тьмы
Побывали с нервным стрессом
У иркутской поэтессы,
То бишь Жилкиной самой.
<...> После лёгких словопрений,
После чая и варений,
После сплетен и прикрас
На ковры пустили нас,
Что разостланы в гостиной.
В общем, было все невинно.
Прозвучали сказки-байки
Об отрочестве хозяйки,
О поклонниках, друзьях,
Разговор завяз в зубах...
<...> Тут хозяйка очень мило
Нас с Валюхой попросила
Принести своих стихов
Про весну и петухов.
Их она толкнёт в эфир,
Чтоб порадовался мир.
Ну а ты, солдат Отчизны,
Как живёшь? Доволен жизнью?
И шинель не тяжела?
И легко идут дела?
Иль по старенькой привычке
С прежней тягой неприличной
В декаданские грехи

¹Союз писателей.

²Литературное объединение.

³В.В. Сидоренко, русский писатель.

*Сочиняются стихи?
Ничего, не вешай нос!
Это, братец, не вопрос.
Было б то, что поколенья
Называют «вдохновенье»,
Да ещё жестокий труд —
И шедевры тут как тут!
Пой, пиит, на радость миру.
Ну а я рассталась с лирой,
Отложив её пока
До последнего звонка.
Ведь диплом и серафимы
Уж никак не совместимы.
Между ними нет союза,
И моя шальная Муза
Лишь завидит диамат⁴
Чуть удерживает мат...
<...> Жизнь идёт... я закругляюсь,
Стать примерной попытаюсь.
Говорю вам: до свиданья!
Жду ответного посланья!*

Так продолжалась наша дружба, на которую Люба была удивительно щедра. Туда же в учебную воинскую часть пришла мне бандероль от неё, где был огромный фотоальбом-монография «Александр Блок». Где мне было сохранить этот альбом в армии? Только в библиотеке воинской части. Молодая библиотекарьша, дочь командира дивизии, благоволила ко мне и сохранила фотоальбом и пачку писем Любы Сухаревской. Это уже потом я отправил их домой маме обратной бандеролью. Там, в армейской среде, у меня родилось ещё одно стихотворение, посвящённое Любе:

<i>Мне ветрено, Мне ветреность и взгляд твой Всё в памяти и наяву тревожат. И белую, и золотую кожу ласкает ветер. Здесь давай споём —</i>	<i>Не обо мне, Так о тебе, о мире, что окружает нас, И будет в этом... Душа ребёнка, девушки, поэта И шелестенья листьев — голос ветра...</i>
--	---

Когда я вернулся из армии, какое-то время мы ещё встречались. Но Люба уехала на БАМ, а когда вернулась, наши встречи стали редки. Жизнь разнесла нас в разные стороны, и уже не стало той душевной близости, что была в юности. Потом была у каждого своя жизнь, наполненная своими событиями, да и мировоззрение было уже разным. В марте 2008 года умерла наша подруга Нина Кашина.

Люба Сухаревская умерла 27 сентября 2013 года. Перед самой кончиной Любе духовно помогла Валентина Сидоренко — привела её в храм «Вера, Надежда, Любовь и Мать их София», где Люба причастилась и соборовалась. И перед самой смертью, уже в больнице, Любу причащал и соборовал отец Владимир — настоятель этого храма. Светлый образ той самой юношеской дружбы живёт и поныне в наших сердцах. Дружба, когда она настоящая, бесценна, и память о ней священна.

⁴Диалектический материализм.